

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

О двенадцати месяцах
(Рассказы)

Николай Лесков
О двенадцати месяцах
Славянское предание из
окрестностей тренчинских

Божины Немцовой[1]

(С чешского)

Была одна мать, и было у нее две дочери; одна была ее собственная дочь, а другая — падчерица. Свою она очень любила, а на падчерицу и глядеть не могла; не любила ее за то, что Мурушка была красивее Елены. Добрая Мурушка не знала своей красоты и не могла придумать, за что мачеха так на нее ест. Вся домашняя работа лежала на Мурушке. Она убирала в хате, варила, мыла, шила, пряла, ткала, косила траву и за коровой сама ходила, все ей припасала и все около нее обряжала. Елена ни за что не бралась. Морушка все делала без ропота; терпелива была и материны и сестрины нападки сносила, как тот агнец безответный. Только все это не было оценено; они еще день ото дня становились хуже и ни за что больше лютовали, как за то, что чем далее шло, тем Морушка становилась красивее, а Елена безобразнее. И подумала себе мачеха: «К чему бы это было, чтобы я берегла в своем доме красивую падчерицу при моей бедной дочке. Придут на поглядки

хлопцы, влюбятся в Морушку и не будет им нравиться Елена». И порешили они сбыться бедной Морушки; морили ее голодом, били; но она все терпела и день ото дня становилась еще прекраснее. Такое ей загадывали, что ни одному человеку и в ум бы не пришло. Один раз – это было в половине Великого Сечня (се́чен, leden – у нас январь) – захотелось Елене душистых фиалок.

– Иди ты мне, Морушка, иди принеси мне с горы (из леса) букет фиалок; я заложу их за пояс и буду их нюхать, – так кричала она сестре.

– Ай, Боже, сестра моя милая, что это тебе на ум пришло? Я никогда не слыхивала, чтобы росли под снегом фиалки! – убеждала ее несчастная девушка.

– Ты шлюха, ты дрянь, ты будешь мне возражать, когда я тебе приказываю? Сейчас пойдешь на гору, а если не принесешь фиалок, убью тебя! – закричала Елена.

Мачеха схватила Морушку, выпихнула ее за двери и двери за нею заперла. Девушка шла до самой горы, горько плача. Снега бездна – нигде следа. Девушка долго, долго блуж-

дала; голод ее морил, от холода она стыла и просила пана Бога, чтобы он лучше взял ее. Тут вдали ей блеснул какой-то свет. Пошла она на этот свет и пришла на самый верх горы. На верху горы пылал большой огонь (vatra), и около того огня лежало двенадцать камней, а на тех камнях сидели двенадцать мужей (mużŃ). Три беловолосые, три помоложе первых, три еще моложе, а еще три всех моложе и всех прекраснее. Они ничего не говорили, только тихо глядели на огонь. Эти двенадцать мужей были двенадцать месяцев. Великий Сечень сидел вверху (на первом месте); волосы и борода у него были белы как снег. В руке он держал посох (patyk, kuj). Морушка испугалась и в страхе на минуту остановилась, а потом, осмелившись, приступила ближе, прося:

– Добрые люди Божие, позвольте мне обогреться при огне; холод зазнобил меня.

Великий Сечень, кивнув головой, спросил ее:

– Зачем сюда пришла, девица? Чего тут ищешь?

– Иду за фиалками, – отвечала Морушка.

– Не пора теперь ходить за фиалками, когда снег лежит, – сказал Великий Сечень.

– Знаю это, знаю, – грустно отвечала Моруша. – Но сестра Елена и мачеха приказали принести фиалок с горы, а если не принесу – убьют меня. Усердно прошу вас, батюшки, скажите мне, где я найду фиалок?

Тут с диву дался Великий Сечень, обратился к младшему месяцу и, давая ему посох в руки, сказал:

– Братец Бржезень, сядь на первое место.

Месяц Бржезень (březen – по-нашему март) сел вверх на камень и махнул посохом над огнем. В это мгновение огонь вспыхнул выше; снег начал таять, на ветках пробивались почки, под кустами зеленела травка, а в травке краснелись цветные бутоны, распускались худобки – весна сделалась. Укрытые под листьями распускались фиалки, и, прежде чем Моруша огляделась, весь луг покрылся ими, как небесным покрывалом.

– Скоро собирай, Моруша, скоро! – приказывал Бржезень.

Моруша в радости собирала и имела уж большой букет фиалок. Хорошенько (рѣкне)

поблагодарила месяцы и весело пошла домой. Дивилась Елена, и мачеха дивилась, видя, что Моруша несет букет фиалок, шли ей отворить двери, и душистые фиалки по целой хижине запахли.

– Где ж ты их набрала? – сердито спрашивала Елена.

– Высоко на горе, там растут под кустами; много их там, – отвечала Морушка.

Елена взяла фиалки, заложила их за пояс, сама их нюхала и матери дала понюхать, а сестре даже не сказала: «Понюхай». На другой день Елена ленилась у печи, и захотелось ей ягод.

– Иди мне, Моруша, иди, принеси мне с горы ягод! – сказала Елена сестре.

– Ай, Боже, моя сестра милая, где ж найду ягод! Никогда не слыхала, чтобы под снегом росли ягоды, – отвечала Моруша.

– Ты шлюха, ты дрянь, ты будешь спорить, когда я тебе приказываю? Скоро иди на гору, а если не принесешь ягод, верь, что тебя убью! – пригрозила злая Елена.

Мачеха схватила Морушу, вытолкнула ее за двери и двери за ней затворила. Девушка

шла, горько плача, к горе. Снег лежал глубокий – нигде следа не было.

Долго, долго блуждала Морушка; томил ее голод, вся она дрожала от стужи. Вдруг ей опять блеснул тот самый свет, который она видела за день до этого. С радостью она к нему пустилась. Пришла опять к тому большому огню, около которого сидели двенадцать месяцев. Великий Сечень сидел на первом месте.

– Добрые люди Божие, позвольте мне обогреться у огня; я вся дрожу от холода, – просила Морушка.

Великий Сечень кивнул головою и спросил:

– Зачем опять пришла сюда? Чего тут ищешь?

– Иду за ягодами, – отвечала Морушка.

– Теперь не пора ходить за ягодами, когда снег лежит, – заметил Великий Сечень.

– Знаю это, знаю, – печально отвечала Морушка. – Но сестра Елена и мачеха приказали принести ягод. Если не принесу – убьют меня. Прошу вас покорно, батюшки, скажите мне, где их найду?

С диву дался Великий Сечень, обратился к месяцу, который сидел насупротив его, дал ему посох в руки и сказал:

– Братец Червень, сядь горй.

Месяц красный Червень (šerven у русских – июнь) сел вверху на камень и махнул посохом над огнем. В это мгновение огонь высоко вспыхнул; снег в минуту растаял, земля зазеленела, деревья покрылись листьями, птички начали петь, по лесу зацвели разные цветочки – и было лето. Под буками белых звездочек было как бы насеяно. Видимо эти беленькие звездочки стали изменяться в ягодки и быстро зрели и зрели. Прежде чем Морушка огляделась, их столько было, что зеленая мурава как бы красной кровью облилась.

– Скоро собирай, Морушка, скоро! – приказал месяц Червень.

Морушка в радости насбираала полный фартучек ягод. Опять хорошенько поблагодарила месяцы и весело поспешила домой. Удивилась Елена, удивилась мачеха, увидав, что Морушка несет полный фартучек ягод. Отворили ей двери, а ароматные ягоды по целой

хате запахли.

– Где ты их насбирала? – угрюмо спрашивала Елена.

– Высоко на горе много их растет под буками, – отвечала Моруша.

Елена взяла ягоды, наелась досыта, и мачеха досыта наелась, а Моруше даже не сказали: «Возьми себе одну». Разлакомилась Елена на ягодах, захотелось ей на третий день красных яблок.

– Иди, Моруша, иди на гору, принеси мне красных яблок! – приказывала она сестре.

– Ай, Боже, сестра милая, где же я зимою могу взять красных яблок? – проговорила бедная Моруша.

– Ты шлюха, ты дрянь, ты будешь спорить, когда я тебе приказываю? Иди сейчас на гору, и если не принесешь красных яблок, верь, что я тебя убью! – загрозила злая Елена.

Мачеха схватила Морушу, вытолкнула ее за двери и двери за нею заперла. Девушка, горько плача, потащилась на гору. Снега лежали глубоко, следа не было. Но Моруша не блуждала, а прямо шла на верх горы, где горел большой огонь и где сидели двенадцать

месяцев. Где они сидели, там и сидели, и Великий Сечень сидел вверху.

– Добрые люди Божие, позвольте мне обогреться у огня; дрожу я вся от стужи, – просила Моруша, подойдя к огню.

Великий Сечень кивнул головой и спросил:

– Зачем опять пришла? Чего здесь ищешь?

– Иду за красными яблоками, – отвечала Моруша.

– Не время, – сказал Великий Сечень.

– Знаю это, знаю, – смутно говорила Моруша. – Но сестра Елена и мачеха приказали им принести с горы яблок; если не принесу, верю, что убьют меня. Прошу вас, батюшки, скажите мне, где их могу найти?

Тут удивился Великий Сечень, обратился к одному из старших месяцев и, подавая ему посох в руки, сказал:

– Братец Жарий, садись вверх! (месяц Жарий – русский сентябрь).

Месяц Жарий сел вверху на камень и махнул посохом над огнем. Костер запылал рыжеватым пламенем, снег стаял, но древесные ветви не покрывались листьями; один листо-

чек после другого спадал на землю, а холодный ветер разгонял их по пожелклой ниве, один туда, другой сюда. В стороне цвела туранка, краснелись клинчоки, в долинах есенка, под буками росли высокие капради и густой жиможелень. Моруша смотрела только красных яблок и вдруг видит яблонь, а на ней высоко между ветвями красные яблоки.

– Скоро, Моруша, затряси скоро! – приказывал ей месяц Жарий.

Моруша, радуясь, затрясла яблонь, упало одно. Затрясла еще раз – упало другое.

– Скоро спеши домой, Моруша, скоро! – приказывал месяц.

Морушка послушала, взяла два яблочка, поблагодарила хорошенько месяцы и весело поспешила домой. Удивилась Елена, удивилась мачеха, видя, что Морушка несет яблоки. Отворили ей двери. Морушка им подала два яблока.

– Где это ты их отрясла?

– Высоко на горе растут; там много их еще, – ответила Моруша.

– Что ж ты их больше не принесла? Ты их, верно, дорогой поела? – крикнула на нее Еле-

на.

– Ай, сестра милая! Не съела я ни одного кусочка. Затрясла раз ветку – спало одно, затрясла еще – спало другое, а больше мне трести не дали. Хотели, чтоб скорее домой шла, – отвечала Моруша.

– Чтобы тебя Перун убил! – зарычала Елена и хотела Морушу бить. Морушка стала горько плакать, прося пана Бога, чтобы взял ее лучше к себе, чтобы не дал злой сестре и мачехе убить. Ушла Моруша в кухню, а лакомая Елена, сердясь, начала есть яблоко. Яблоко показалось ей таким вкусным, что с тех пор, как живет, она никогда такого вкусного не ела. И мачехе понравилось. Съели, и захотелось им еще.

– Дай мне, мама, шубку, пойду сама на гору, – сказала Елена. – Та шлюха опять по дороге поест все. Уж я найду это место и все околючу; пусть кто хочет, не хочет.

Напрасно мать отговаривала; Елена взяла шубку, покрылась платком и пошла на гору. Мать вышла на порог и смотрела, как пойдет Елена. Снега море, нигде следа. Елена блуждала, блуждала долго; лакомство ее все загоняло

дальше и дальше. Вдруг она издали свет увидела и пустилась к нему. Пришла на самый верх горы, где горит большой огонь и около огня на двенадцати камнях сидят двенадцать месяцев. Елена испугалась, но сейчас же страх забыла, близко подошла к огню и стала греть руки. Не спросила месяцев: смею ли обогреться или нет? а ни слова им не промолвила.

– Чего тут глядишь, зачем пришла сюда? – спросил ее, морщась, Великий Сечень.

– Что ты спрашиваешь, старый шут ты, тебе нет дела, куда я иду, – отвечала капризная Елена, отвернувшись от огня и пошла по горе.

Великий Сечень надвинул чело и махнул посохом над головою. В это мгновение небо нахмурилось; огонь упал низко, снег посыпался, как бы коробку с ним опрокинули, ледяной ветер застонал на горе. За шаг перед собою ничего не видит Елена; блуждает, блуждает, падает в снежные завеи, члены ее слабнут, костенеют. А снег все сыпется, и ледяной ветер дует. Елена грешит на Морушу, грешит на пана Бога. Члены ее мерзнут в теплой шубке. Ждет мать Елену, выглядывает из окна,

выглядывает из двери, не может дочери дождаться.

– Верно, ей яблоки очень понравились, и не хочет их оставить, – подумала мачеха, – нужно пойти за ней.

Взяла шубку, взяла плену на голову и пошла за Еленой. Снега бездна, нигде следа. Звала Елену, никто не отозвался. Блуждала, блуждала долго; снег сыпался, ледяной ветер дул по горе.

Морушка обед сварила, обрядила коровку – ни Елена, ни мачеха не приходили.

– Где ж это они так долго задержались? – сказала себе Морушка, садясь к прялке. Уж у нее веретенце полно; уж в избе стемнело, а ни Елена, ни мачеха не возвращаются.

– Ай, Боже, что ж это с ними случилось! – беспокоилась добрая девушка, поглядывая в окно.

Небо трепещет, на земле буря, человека не видно. Смутно затворила Морушка оконце, крест на себя положила и «Отче наш» читала за сестру и за мачеху. Утром ждала их с завтраком, ждала и с обедом, но не дождалась ни Елены, ни мачехи. Обе на горе замерзли.

Остались доброй Моруше и хата, и коровка, и кусок поля, нашелся к этому и хозяин, и хорошо было им жить в покое.

Париж, 25-го декабря 1862 года

Примечания

rohádka «O dvanácti měsíčkách» записана известной чешской писательницей Божиной Немцовой с уст народных и напечатана в литературном сборнике, изданном в Праге под названием «Lada Nióla». В переводе по возможности удержан строй народной речи, неподражаемо верно переданный в оригинале.

[^^^]